

наши публикации

К 200-летию со дня рождения великого русского артиста М. С. ЩЕПКИНА

ЧЕГО НЕТ В ЖИЗНИ — ТОМУ НЕТ МЕСТА НА СЦЕНЕ

Конечно, это — только совпадение, но символическое. В год, когда Россия потеряла своего великого артиста Михаила Семеновича Щепкина, о котором современники говорили, что он совершил на театре такую же реформу, как Пушкин в литературе, именно в этот — 1863 год родился другой выдающийся реформатор нашей сцены — К. С. Станиславский. Будто сама природа содействовала тому, чтобы высочайшая традиция русского сценического искусства не прервалась бы, а продолжила свое существование на новом, восходящем витке. И, действительно, сегодня, отмечая 200-летие со дня рождения Щепкина, мы можем с гордостью говорить, что подвиги Щепкина, жизнь великого русского артиста продолжается не только на сцене родного ему Малого театра, в творчестве его прославленных хористов во главе с народной артисткой СССР Е. Гоголевой, но и в других поколениях актеров, в том числе и в самых молодых — воспитанниках знаменитого Щепкинского училища. Но до-

бавим к этому: и вообще, вряд ли можно найти ныне какой-либо наш российский театр, где бы не жили и не работали последователи щепкинских традиций реализма, демократичности и высокой гуманистической миссии сценического искусства, любви к простому человеку. Михаил Семенович Щепкин (1788—1863 гг.), родившийся в семье крепостных и долгое время остававшийся дворовым графа Волынского, пережил славную, хотя и непростую судьбу. И не только потому, что потребовались огромные усилия, чтобы вырвать его из крепостной зависимости (только в 1822 году он был выкуплен «по подлинке» за 3 тысячи рублей) и стать великим артистом, начавшим новую страницу в русском театре. Он говорил: «Чего не бывает в жизни — тому нет места на сцене; жизнь и сцена должны идти рука об руку». Один из близких его друзей — В. Г. Белинский справедливо отмечал, что, со- жалению, драматургическая литература того времени, в которой было немало пере-

подных и переделанных с французского подделок, «не могла ему предоставить ролей, соответствующих полноте таланта». Да, это так. Но и в пьесах, капризных и легу, Щепкин умел создавать исключение из правил. Однако расцвет его таланта связан с выдающимися работами как в мировой классике (от Шекспира до Мольера), так и в пьесах Фонвизина, Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Островского. Его Фамусов, Городничий, Подколесин и Кошкин в «Женитьбе», и многие другие образы стали немеркнущими страницами истории русского театра.

Портрет М. С. Щепкина работы Т. Г. Шевченко.

Из высказываний разных лет

Зачем хлопотать о совершенстве

— Я не моложе вас, а русскую жизнь едва ли знаю не лучше вас; вы ее знаете от двора и до вашей гостиной, а я ее знаю от двора до лакейской. У вас не было жизненного толчка, который бы заставил вас поглубже заглянуть в настоящую жизнь; но моя дорога жизни не была так выровнена обстоятельствами, как ваша, да и самый род моего искусства заставлял меня поглубже вникать во все слои общества.

...По знанию комического актера... мне часто достается представлять людей низких, криводушных, с гадкими страстями; изучая их характеры, стараюсь передать их комические стороны, а сам отдался от многих недостатков, и в том, что сделался лучше, нравственнее, я обязан не чему и кому, а театру.

...Вы скажете, что и прежде люди ошибались, но дурной пример не есть пример. Конечно, из ложного понятия чести вам трудно отказаться от своих ошибок, но в том-то и состоит достоинство человека, чтобы в благородной гордости сознаться в них. И притом неужели все миллионы на всем земном шаре слепы, а только избравшие сами себя в руководители целого мира, только мы — полное совершенство и потому имеем право учить весь мир? Не слишком ли это самолюбие? Ежели гордость не совсем овладела нами, посмотрим, нет ли в нас каких-либо человеческих недостатков, и ежели они точно есть, то начнем уроки с себя; может быть, эти уроки принесут большую пользу, и с исправлением наших собственных недостатков не изменится ли и взгляд на многие вещи... Будем полезны человечеству по нашим силам — будем сеять мысль для нравственного состояния человека и поддерживать его примером... Будем же делать то, что по силам, несли бы ценой фразы только о том, что производил время...

...Все, что вы назовете во мне достойным какой-либо оценки, принадлежит собственно не мне — все это принадлежит Москве... В этом кругу было все — и литераторы, и поэты, и преподаватели Московского университета, 30 лет я находился в этом кругу. Правда, я не

сидел на скамьях студента, но с гордостью скажу, что я много обязан Московскому университету в лице его преподавателей: одни научили меня мыслить, другие — глубоко понимать искусство. Беседы об искусстве — собственно для меня не умолкали, и я с глубочайшим вниманием вслушивался в них... В тридцать лет много изменилось, но изменились лица, а мысль об искусстве жила не менялась; да, в тридцать лет много выбыло из общества, много прибыло вновь, и к числу первых, с сердечной гордостью и с глубоким уважением скажу, принадлежат и наши два великие комических писателя. Им я обязан более всех; они меня, силою могучего таланта, так сказать, поставили на видную ступень в искусстве: это Александр Сергеевич Грибоедов и Николай Васильевич Гоголь...

Одно, что принадлежит собственно мне, — это добросовестное занятие, труд, на какой только способен человек, посвятивший всю жизнь своему драматическому искусству; и да послужит это примером молодым моим товарищам, которым дорога к искусству гораздо более очищена. Пусть из нынешнего дня они поймут, какая блестящая будущность ждет их впереди...

...Следы неусильно за собой: пусть публика будет тобой довольна, но сам к себе будь строже — и ведь эта внутренняя награда выше всех аплодисментов. Стараюсь быть в обществе, сколько позволял время, изучая человека в массе, не оставаясь ни одного анекдота без внимания. Эта живая книга заменит тебе все теории, которые, к несчастью, в нашем искусстве до сих пор нет. Потому вслушивайся во все слои общества без всякого предубеждения к тому или другому, и увидишь, что везде есть и хорошее и дурное, — и что даст возможность при игре каждому обществу отойти свое...

...Вы скажете: зачем хлопотать о каком-то совершенстве, когда есть средство гораздо легче научиться публике? Тогда уж можно сказать: зачем же искусство? И так, изучайте его с точки зрения науки, а не подделка! Трудитесь — без труда ничего не дается...

Из закулисной хроники

Одно принадлежит мне — это собственно труд

...Был Михаил Семенович где-то на водах. Встретился там с двумя генералами — Д. Д. Ахлестычевым и Лидером. М. С. пил воды, после прогулки сел отдохнуть. Генералы подошли к нему, он, конечно, встал, спрашивают: — Скажите, Михаил Семенович, отчего французский актер, хотя бы второклассный, ловок и свободен на сцене, тогда как наши, и первоклассные-то, связаны, а вторые уж бог знает что.

— Это оттого, что я перед вами встал. — Что это значит? — Я старик, устал, а не смею с вами сидеть разговаривать. А французский старик не постеснялся бы. Снимите крепостное иго, и мы станем развязаны и свободны.

...Он священнодействовал (на сцене). Весь в огне, пот льет градом; играя даже вовлекая, он готовился как будто к чему-то страшному. Конечно, он был выше, образованнее своей среды, но какая скромность! Он сознавал себя неучем, внимательно выслушивал мнение каждого, хотя бы студента. Никогда не возносился и в других преследовал самозабвение до жестокости. Помню, в Москве открылась новая фотография, рассказывала его ученица Александра Ивановна Куликова (по сцене — Шуберт). Артистов просили сфотографировать М. С. сфотографировать в костюмах из этой пьесы. Батюшки! Как мне за это досталось! Какое я имею право превозноситься, думать, что я хороша!

— Прекрасно, я не хороша, ну вы хороши. — И я не хороша; одним понравился, другим нет.

Про «Горе от ума» он говорил: — Хвалит меня в Фамусове, а я — не барин; нет у меня барской ноты. Вот Петя Степанов, если б не ленился, больше меня был бы на месте; у него барские ноты.

Сыгравши новую роль, он по возвращении домой снова брал читать ее, чтобы проверить, какие были ошибки. Я часто была этому свидетельницей, когда, по выходе замуж, бывала у него. Гуляя по улицам, он постоянно думал о какой-нибудь роли, забывался иногда и говорил вслух. На репетицию едем, бывало, в казенной карете. Он так просто, естественно начинает говорить, думаешь, что это он мне говорит, а оказывается, роль читает наизусть, да так твердо, слова не пропустит. Я не помню никогда в его руках тетради, с первой репетиции он уже твердо знал роль.

Знаменитая актриса Малого театра Гликерия Николаевна Федотова так рассказывала о Щепкине К. С. Станиславскому: — Вот как нас учил наш незабвенный Миха-

ил Семенович. Я у него жила в доме, когда отпустили на лето из школы. Вот, батюшка, бывало, ребенком играешь в крокет на площадке с другими подростками, вдруг слышишь крик на весь сад: «Душенька!»... Это, батюшка, старик проснулся, вышел с трубкой в халате и зовет меня на занятия. Ругаешься, плачешься, с досады швыряешь молоток, а идешь, потому что не слушаешься Михаила Семеновича. Почему нельзя — уж я там и сама не знаю, а нельзя, нельзя и нельзя, батюшка мой. Придешь, бывало, с надутым лицом, сядешь за книжку и воротишь от нее голову.

— Ты губы-то подбери, сама соберись и прочти мне только вот эту страничку, — говорит, бывало, старик. — Прочтешь хорошо, сейчас же отпусти, а не прочтешь, не выйди, до вечера задержу, пока не выйдешь хорошо.

— Да, Михаил Семенович, голубчик, я не могу, я лучше потом, тогда десять страниц прочту.

— Ну ладно, ладно, говори там! Ты лучше читай, себя и меня не задерживай.

Ну и начнешь читать. И ничегошеньки-то, батюшка мой, не выходишь. — Ты что же, грамоте пришла учиться, по складам читаешь? Читай, как нужно, уж ты теперь знаешь, как нужно-то.

Бьешься, бьешься, собираешь все внимание, никак крокет не выкинешь. А ес-

ли выкинешь да подумаешь покрепче о роли, — ну, смотришь, и выйдешь.

— Ну вот, и беги теперь, умница! Так бежишь, что не догонят. Опять пошла игра, шум, смех, а как разыграешься вволю, опять голос старика: «Душенька-а-а!»

И опять начинай все сначала. Вот, батюшка, как тренировали и воспитывали нашу волю. Актеру без воли нельзя. Первым делом надо учиться управлять своей волей.

...Наконец, сыграла я, батюшка, дебютировала, окрестилась. Треск, аплодисменты, вызовы! Стою, как дура, не могу опомниться. Сделано книксен публике и скорее бегу со сцены, за кулисы, и опять на сцену, и опять книксен, — и за кулисы! Просто замучилась, батюшка мой. И на душе-то радостно, тепло. Неужели все это я натворила! А в кулисах сам старик Михаил Семенович стоит с палочкой и улыбается. А улыбка-то у него добрая-добрая. А что это значило для нас, батюшка! Михаил Семенович улыбается — это только мы да бог знаем. Прибегу за кулисы, он меня утрит платочком, поцелует, потреплет по щеке: «Умница! — скажет. — Недаром я тебя, а ты меня мучила. Ну иди, иди! Кланяйся, пока хлопают. Получай, что заработала». И опять на сцену, на все стороны книксен, и опять — за кулисы. Наконец затихли.

— Ну а теперь пойдя сюда, умница, — подо-

звал меня батюшка Михаил Семенович. — За что тебе хлопоты, умница, знаешь? Ну, я скажу. За то, что рождала у тебя смазливая и молодая. Ну а если бы я со своей старой рожей так сыграла, как ты сегодня? Что бы со мной сделали?

— А что же? — Да со сцены помелом погнали бы. Ты это помни. Ну а теперь иди и слушай комплименты. Мы с тобой потом поговорим обо всем. У нас — свои счеты.

Во все пятьдесят лет театральной службы Щепкин не только не пропустил ни одной репетиции, но даже ни разу не опоздал. Никогда никакой роли, хотя бы то было в счастливый раз, он не играл, не прочитав ее накануне, ложась спать, как бы поздно ни ворочался домой, и не репетируя ее настоящим образом на утренней пробе в день представления. Это не мелочная точность, не педантизм, а весьма важное условие в искусстве.

...Был его юбилей. В 8 часов любезный старик, не помнящий себя от удовольствия, повел нас в дом.

Дом был был иллюминирован, плашки горели кругом. Наши актрисы красавицы Медведова, Бороздина, Косицкая и прочие встретили Щепкина в гостиной с букетами цветов и осыпали поцелуями. «Ну вот, из пятидесяти лет большая половина с костей долая!» Потом

последовали поздравления домашних — жены, неразлучной спутницы — друга в продолжение почти всего пятидесятилетия, детей, невесток, внуков, которые пустились плясать...

Гранула музыка, начались танцы и продолжались до поздней ночи.

Вдруг является между танцующими Щепкин, в колпаке и шафляро, ступает едва движущимися ногами, держа в руке тетрадь с ролью, которую завтра должен был играть...

Однажды по внезапной болезни какой-то актрисы, пришлось накануне вечером, во время спектакля, переменить назначенную на следующий день пьесу и заменить ее другою, а именно — комедией «Горе от ума». Щепкин в этом спектакле был занят. Узнав в уборной о перемене, и не смотря на то, что роль Фамусова играл с первой постановки грибоедовского произведения, он отправляется к режиссеру С. П. Соловьеву и спрашивает:

— Скажите, в каком часу завтра утром репетиция?

— Какой пьесе, Михаил Семенович? — Как какой? Да ведь завтра идет «Горе от ума».

— Помилосердствуйте, — возражает Соловьев. — Зачем делать репетицию? Ведь мы «Горе от ума» на той неделе играли! Позвольте актерам отдохнуть. Ведь уж как они знают свои роли, тверже никак нельзя.

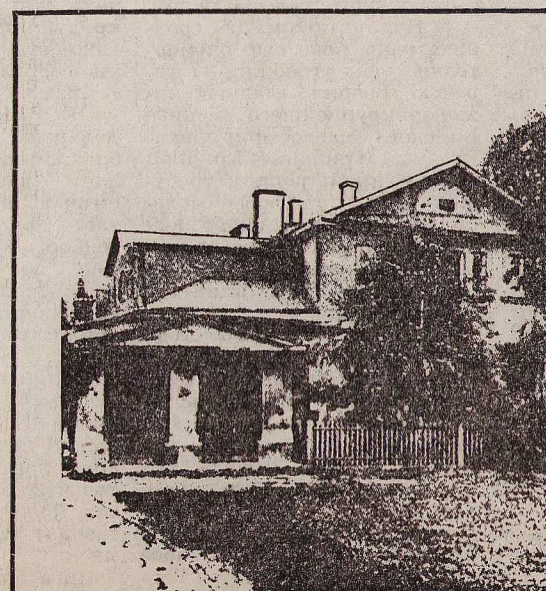
Щепкин призадумался и после минутного размышления сказал: — Ну, пожалуй, репетиция не надо: только все-таки попрошу хоть слегка пробежать мои сцены. Я актеров не задержу...

И репетиция состоялась, невзирая на то, что «Горе от ума» шло в московском Малом театре совершенно без суфлера.

Как-то молодой актер пришел в гримбурную Михаила Семеновича — посоветоваться. Маленькая комнатка, в одном углу которой, на столике, портреты Фонвизина, Гоголя, Грибоедова, около другого стола с зеркалом, красками для гримирования на этажерке кушанья с квасом, без которого артист не мог обходиться, когда играл. Осушив большую кружку и предложив квасу молодому актеру, Щепкин усадил его на маленький диван рядом с собой.

— Я слушаю, друг милый! — Михаил Семенович, — робко сказал актер, — я очень люблю читать пьесы, и меня все хвалят, что хорошо читаю... за «Ворону и лисицу» тоже хвалят... только как нас по-слушал, вижу, что я совсем не так читал... буду подражать вам... Только, пожалуйста, научите меня, как это надо делать...

— Подражать, — возразил Щепкин, — никому, душа моя, не следует; надо же по-своему делать...

Дом М. С. Щепкина в Большом Каретном переулке (ныне ул. Ермоловой, 16).

М. С. Щепкин в роли Гарпина в «Идиоте» Ф. М. Достоевского.

Театральная площадь в Москве. Литография 1820-х годов.

Круг общения

Все, что было в мыслящей России...

«Все, что было в мыслящей России, не миновало общества и знакомства М. С. Щепкина...» Да, это так. Девятнадцатый век в России оказался на редкость густо замешан великими талантами. Особенно в литературе: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Островский, Некрасов, Шевченко, Достоевский, Толстой... А сколько достойнейших из имен остались за чертой этого далекого не полного перечня! И какое другое время, в какой другой стране дало миру на столь коротком временном расстоянии такую россыпь редкостных дарований? «Даровита земля русская», писал В. Г. Белинский, — почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжелыми утратами или оскорбленное несбытанными надеждами сердце ваше готово увлечься порывом отчаяния, — как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает в вас робкую и трепетную надежду...

Но какое все это имеет отношение, спросите, к артисту императорского Малого театра Михаилу Семеновичу Щепкину? Ведь актер, как известно, обращается не к читателю, а зритель и не с печатным, а звучащим словом. Все вроде бы так, но только Щепкин не укладывался в этот ряд привычных представлений об актере. Редкий дар артиста и рассказчика, умение пережить чужую радость и боль, человеческое обаяние и-бескорыстие в дружбе

притягивали к нему всех, с кем сводила судьба. А она поладила ему дружбу с Пушкиным и Гоголем, Шевченко и Тургеневым, Белинским и Герценом, Аксаковым и Погодиным. «Чудный человек! — восклицает Белинский в своем послании С. Т. Аксакову под впечатлением встречи со Щепкиным. — С четверть часа поговорил я с ним о том и о сем и еще более полюбил его. Как понимает он искусство, как горяча душа его — истинный художник нашего времени!»

Год от года круг общения расширялся, дружба со многими из великих его современников крепла... К несчастью, смерть не щадит и редкие дарования. Наоборот, чаще выбирает именно их. Тяжело переживал смерть Пушкина, затем Белинского, Гоголя и спешил в трудные минуты жизни поддерживать в жизненных испытаниях Тургенева, Шевченко, Герцена. Болезненно воспринимал расхождение во взглядах и просто размыслил между друзьями и спешил примирить их. Чувствовал, что может помочь писателям увидеть их детища на сцене, что в силах украсить их создания своим талантом — и не раздумывая, принимался за хлопоты по продвижению едва завершенных рукописей от письменного стола через все препоны, чинимые чиновниками, цензурой, на пути их к театру. Сам, обладая острым взглядом художника,

удерживающего в памяти множество сюжетов, зарисовок, характеристик, метких высказываний, реплик и слов, но не чувствуя признания к писательскому труду, Михаил Семенович с радостью делился этими сокровищами с друзьями-писателями и всякий раз был счастлив, если что-либо из рассказанного им обрело жизнь в повествовании или пьесе. В устных рассказах Щепкина происшедшее некогда в жизни передавалось во всей своей доподлинности, «как оно было», с приметами времени, быта, богатства языка.

Отечественная литература хранит множество примеров, когда рядом с именами великих писателей самым неожиданным образом возникает и имя Михаила Семеновича Щепкина. Особенно много общего, как в жизни, так и творчестве, связывало Щепкина с Гоголем. Сколько историй, характеристик, выражений перекочевало из уст актера в произведения писателя! Есть в повести «Старосветские помещики» история с так называемой «одичалой кошкой». Читая ее, мало кто полагается о том, что записана она и вошла в повесть со слов Михаила Семеновича. По воспоминаниям А. Н. Афанасьева, Щепкин, прочитав повесть, «при встрече с автором сказал ему шутя: «А кошка-то моя!» — «Зато коты мои!» — отвечал Гоголь, и в самом деле коты принадлежали его вымыслу».

А ставшая крылатой фраза из гоголевских «Мертвых душ»: «Подобные нас чернышники, а беленькими нас искания полубой». Она тоже впервые была услышана писателем от Щепкина и разошлась по миру строками великой поэмы Гоголя.

В рассказах актера во всей яркости и сочности представляли перед Гоголем и многие типы людей, которые обрели затем свою вторую жизнь в его произведениях. Среди них были и генерал Ветришев с Петром Петровичем Петухом, и протоколист Котельников, о котором Герцен отзывался, что имя его «не должно изгладиться из истории бюрократии», — они тоже пришли в «Мертвые души» из устных рассказов Щепкина и органично вошли в круг гоголевских персонажей. В самом начале работы над «Женитьбой» Николай Васильевич зачитывал своему старшему другу сцены из комедии, и Михаил Семенович советовал автору кое-что изменить и передал ему еще многое о купеческих бычках при свадьбах.

Один из центральных монологов — приказчик Ивана Сидорова — в пьесе А. Сухово-Кобылина «Дело» также подсказан драматургу артистом. В напечатанном экземпляре пьесы автор отчеркнул этот монолог жирной чертой, написав на полях: «Рассказ, переданный мне М. С. Щепкиным».

Подобным же замечанием заканчивает и

свой рассказ «Психологическая задача. Давила боль» Н. А. Некрасов. «Прощестие, расказанное здесь, не выдуманно...», — признается он. — Оно рассказано автором известным артистом московской сцены М. С. Щепкиным». Ну а «Сорока-Ворона» почти дословно записана Герценом со слов рассказчика. Потрясенный трагической историей бедной девушки, крепостной актрисы, писатель попытался воспроизвести ее во всей доподлинности (изменив лишь имена действующих лиц), с авторскими интонациями: «Передаю здесь, насколько могу, рассказ художника; конечно, записанный, он много потерял и потому, что трудно во всей живости передать речь, и потому, что я не все записал». И это не просто слова, сказанные к артисту, не только знак уважения к артисту. В одном из писем Достоевскому А. Н. Плещеев, например, замечает: «Он (Щепкин) — В. И.» рассказывал мне много интересных вещей, между прочим, говоря о русских актрисах, коснулся анекдота о Сороке-Вороне и рассказывал мне его так, что, уверю Вас, Искандерова повесть не произведит и половины того впечатления, какое изустный рассказ Щепкина... У него слезы блистали на глазах, когда он говорил о свидании своем с этой актрисой, которой он мне и имя назвал, так же, как и имена прочих лиц этой повести».

В. ИВАНШЕВ.